

5. Articles de la paix // Histoire generale de Languedoc / par Vic et Vaissette. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T.5. L. 24. P. 359 – 362.

6. Dognon P. Les institutions politiques et administratives du Pays de Languedoc (du XIIIe siecle aux guerres de religion). Toulouse: Privat, 1895.

7. Foreville R. Histoire des conciles oecumeniques. Paris: Seuil, 1965. T. 6: Latran I, II, III et Latran IV.

8. Hommage de Simon de Montfort au Roi, pour le comte de Toulouse // Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6. P. 598.

9. Hommages rendus a Simon de Montfort // Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6. P. 601 – 602.

10. Ordonances et reglements de Simon, comte de Montfort, pour la reformation du pays et terres par luy acquise // Parctelaine M.Q. de. Histoire de la guerre contre les albigeois. Paris: Librairie universelle, 1833. P. 423 – 432.

11. Peytavié Ch. La Paix des vainqueurs // Pays cathare. 2000. № 19. P. 44 – 51.

12. Pierre de Vaulx-Cernay. Histoire de la guerre des albigeois. Paris: Imprimerie de A. Belin, 1824.

13. Rigaudiere A. La royaute, le Parlement et le droit écrit aux alentours des années 1300 // Comptes-rendus des s_eance de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1996. №3. P. 885 – 906.

14. Roquebert M. Histoire des cathares. Hérésie, Croisade, Inquisition du XIe au XIVe siècle. Paris: Perrin, 2010.

15. Vic C. de, Vaissette D. Histoire générale de Languedoc. Toulouse: Imprimerie de J.-B. Paya, 1842. T. 6.

16. Villeminoz J. Raimond VII de Toulouse et la paix de Paris (1229-1249): Thèse. Paris, 2002.

To the issue of beginning the unification process of the North and the South of France

There is considered one of the most complicated issues for medieval French monarchy – unification of lands. This issue was especially urgent in the South of France. Its solution goes to the XIII century and rises from “The Pamiers Statutes” of 1212, whose statements were developed and officially consolidated by the Paris Treaty of Peace of 1229. The given document became the base, according to which the French kings managed to overcome internal contradictions.

Key words: *unification, centralized state, the Toulouse County.*

Н.Ю. СТРЕЛЕЦ
(Оренбург)

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ДЕКРЕТИРОВАННЫХ НОРМ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-х гг. (по материалам Южного Урала)

Предложен оригинальный взгляд на государственно-церковные отношения в Советской России 1920 – 1930-х гг. С опорой на архивные материалы и опубликованные источники раскрыта сущность антирелигиозной пропаганды, которая не столько отвечала мировоззренческим и культурным потребностям людей, сколько являлась проводником узкопартийного и воинствующего атеизма.

Ключевые слова: «*воинствующий атеизм*», *государственно-церковные отношения, отделение церкви от государства, Южный Урал.*

Победившая власть Советов одним из принципов провозгласила атеизм. Многовековая православная традиция была отвергнута. Религия объявлялась «опиумом для народа» и, безусловно, была не нужна строителям нового мира.

На Южном Урале местные власти обосновывали сокращение численности верующего населения убедительностью атеистической пропаганды, массовым сознательным отказом от религии и успехами в антирелигиозной работе, хотя приверженность той или иной конфессии приобретала скрытые формы. Образовались различные секты, которые действовали активнее антирелигиозников. Известно, что существовал даже хор, гастролировавший по деревням и исполнявший песни религиозного содержания. Секты были хорошо связаны между собой и получали литературу из Куйбышева и Москвы [9]. Однако очень скоро борьба с верой была подменена борьбой с верующими. Факты, свидетельствующие об этом, разрознены, часть документов по-прежнему находится в закрытых хранилищах [12, с. 202], хотя даже по доступным материалам можно представить картину антицерковной политики государства в 1920–1940-е гг.

Ленинский декрет об отделении церкви от государства, опубликованный 23 января 1918 г., стал основой репрессивной политики, проводимой командно-административной систе-

мой в отношении религии. Согласно ему, Церковь уже не была «юридическим лицом», не могла иметь собственность, получать субсидии и вести обучение в государственных и частных школах. Она могла бесплатно пользоваться культовыми сооружениями и предметами, а также свободно отправлять религиозные обряды, если они не нарушали общественного порядка. Каждый гражданин был свободен в выборе религии, которую он мог исповедовать [10, с. 124].

По окончании Гражданской войны были предприняты новые меры против церкви. ВЦИК издал 23 февраля 1922 г. декрет, по которому местным Советам предлагалось в месячный срок изъять из церковного имущества, переданного в пользование групп верующих всех религий по описям и договорам, те драгоценные предметы из золота, серебра и камней, изъятие которых не может существенно затронуть сам культ. Вот несколько упоминаний об исполнении этого решения в Оренбургской области: «В Троицкой Церкви г. Оренбурга было произведено изъятие ценностей: ризы от икон, кадила, лампадки, кресты, хоругви, дарохранительница, тарелки, подносы... Всего изъято 89 предметов – общий вес которых достигает 12 пудов 25 фунтов 71 золотник (206,9 кг.) Из Воскресенской Церкви – 5 пудов 26 фунтов 33 золотника (92,8 кг.); из Покровской Церкви 9 пудов 2 фунта 62 золотника серебра (148,5 кг)» [15].

Изъятие церковных ценностей в Челябинской области началось с 1922 г. и продолжалось до 1940-х гг. Из церкви при ст. Челябинск 3 мая 1923 г. было изъято 58 фунтов 4 золотника (23,2 кг) [5. Л. 53]. В п. Порт-Артурском 22 ноября 1926 г. из местной церкви было изъято ценностей в количестве 51 шт. на сумму 355 руб. [2. Л. 32]. В общем, из церквей и молитвенных домов г. Челябинска по акту от 21 апреля 1922 г. были изъяты ценности общим весом 9 пудов 48 золотников (147,7 кг) [3. Л. 150]. Всего по Челябинской губернии по акту от 28 мая 1922 г. было изъято 125 пудов, 7 футов, 57 зол., 77 долей (2052,9 кг) [3. Л. 158–159]. Не обошлось без нарушений – в Челябинске из Вознесенского храма были изъяты церковные предметы, необходимые для исполнения обрядов культа, а также древние археологические предметы, принадлежавшие церкви. На просьбу приходского совета вернуть имущество от Челябинского горсовета реакции не последовало [2. Л. 80].

По всей территории Южного Урала происходили многочисленные проверки, которые

проводились с особой тщательностью, с обязательной переписью всего церковного имущества и особым вниманием к денежной и инвентарной отчетности [4. Л. 38]. Сопrotивление священников и верующих вызывало волнения, за которыми последовали процессы и казни.

28 июня 1923 г. патриарх Тихон признал законность советской власти. Тем не менее большевики развернули антирелигиозную кампанию [10, с. 126]. Наиболее активно борьба с «религиозными предрассудками» проходила в 1930-е гг. Для войны с церковью и пропаганды атеизма была создана специальная общественная организация – Союз воинствующих безбожников, имевшая свои структуры во всех областях страны. Антирелигиозная кампания вылилась в массовое закрытие культовых учреждений, гонения против служителей Церкви [8].

Особенным в плане осуществления антицерковной деятельности является период коллективизации и индустриализации, непосредственно отразившийся на «усилении антирелигиозной агитации». К концу 1920-х гг. существенные изменения произошли в религиозной жизни. С одной стороны, в государственно-церковных отношениях появились новые подходы, отражавшие уже накопленный опыт, с другой – последовательная церковная политика считалась второстепенной по сравнению с государственно-политическими и социально-экономическими проблемами, и борьба с Церковью велась без особой подготовки. Отсутствовал и общесоюзный закон, необходимость принятия которого давно стояла на повестке дня. В условиях постоянно возрастающего напряжения между церковью и государством в начале 1929 г. правительство приняло решение о выработке специального документа, призванного стать единым руководством к действию в церковных вопросах [14]. Таким документом после декрета СНК «О свободе совести» (20 января 1918 г.) в антицерковной политике государства стало постановление ВЦИК и Совета народных комиссаров РСФСР о религиозных объединениях от 8 апреля 1929 г. В нем говорилось следующее:

«1. Под действие декрета СНК РСФСР от 23 января 1918 г. об отделении Церкви от государства и школы от Церкви подходят церкви, религиозные группы, религиозные течения и прочие культовые объединения.

2. Религиозное общество есть местное объединение верующих граждан, достигших 18 лет, одного и того же культа, вероиспове-

дания, направления или толка в количестве не менее 20 лиц. Верующим гражданам, которые в силу своей малочисленности не могут образовать религиозного общества, предоставляется право образовывать группу верующих. Религиозные общества не пользуются правом юридического лица.

4. Религиозное общество и группа верующих могут приступить к своей деятельности лишь после регистрации в близлежащем административном отделе местного исполкома или горсовета» [1. Л. 1 – 2].

«9. В списки членов религиозных обществ могут быть внесены только те верующие, которые изъявили на то свое согласие.

10. Для удовлетворения религиозных потребностей верующие, составляющие религиозное общество, могут получать по договору в бесплатное пользование специальные молитвенные здания и предметы культа. Помещения предоставляются под их личную ответственность, если они соответствуют строительнотехническим и санитарным нормам.

...
17. Религиозным обществам воспрещается: а) создавать кассы взаимопомощи, кооперативы, производственные объединения и вообще пользоваться находящимися в их распоряжении средствами для иных целей, кроме религиозных; б) оказывать материальную поддержку своим членам; в) организовывать как специальные, детские, юношеские, женские и другие собрания, так и общие библиотечные, литературные, трудовые, по обучению религии, а также устраивать экскурсии и детские площадки... В молитвенных зданиях могут храниться только книги, необходимые для отправления данного культа» [1. Л. 3 – 4].

Одной из наиболее неприятных для церкви была ст. 17 постановления, т.к. она существенно ограничивала общественную жизнь религиозных организаций. Этот документ позволяет оценить репрессивные методы государства по закрытию религиозных помещений, закрепленных законодательно.

Десятки тысяч священнослужителей и верующих были ограничены в гражданских правах и подвергнуты репрессиям. Годы воинствующего атеизма, разрушения церквей и храмов, преследования священнослужителей привели к тому, что определенная часть верующих ушла в «духовное подполье», создавая различные секты, не признавая никаких изменений послеоктябрьского периода [13, с. 202].

В 1930 г. только в одном городе Оренбурге насчитывалось 26 церквей, молитвенных до-

мов и мечетей, находящихся в разных частях города. Большинство из них еще действовали и принимали прихожан [16, л. 62].

Исследователи антицерковной политики государства приводят различные данные по закрытым молитвенным зданиям Южного Урала. По данным А.В. Ильёсова, в 1930-е гг. в Оренбуржье местные органы управления прекратили деятельность 327 церквей. В Челябинской области только за 1933 – 1935 гг. решением оргкомитета Советов было закрыто 50 молитвенных зданий [7. Л. 1 – 3 об].

На Южном Урале в 1935– 1940 гг. было закрыто более 200 молитвенных зданий, церквей и мечетей. А.Н. Потапова уточняет, что на территории всего региона легально действующей являлась одна церковь (в Челябинской области), недействующих культовых помещений РПЦ насчитывалось 997, мечетей – 265 [11, с. 15].

Для того чтобы закрыть молитвенное здание, необходим был целый ряд документов [6, Л. 8 – 8 об]:

1) постановление президиума сельсовета о закрытии (с указанием конкретной цели использования здания); к постановлению должны быть приложены регистрационные списки общих собраний с подписями граждан, требующих закрыть молитвенное здание;

2) план-проект (технический) переоборудования здания, сведения о необходимых и имеющихся средствах на переоборудование здания (согласно смете) и о том, кто эти средства отпускает;

3) справка о расстоянии до ближайшего молитвенного здания, его состоянии и размерах (вместимости).

В случае невысылки в месячный срок данных документов постановление возвращалось без утверждения.

В различных населенных пунктах имели место нарушения, в обласполкомы отовсюду поступали жалобы о закрытии молитвенных зданий без докладных записок исполкомов и советов, горсоветы ограничивались предоставлением одних выписок из протоколов заседаний, формулируемых очень кратко, а порой совершенно бессмысленных [6. Л. 79]. Неоднократно были выявлены факты подделки подписей граждан.

Помимо ходатайств о закрытии церквей были многочисленные просьбы вернуть пустующее молитвенное здание группе верующих, т.к. после закрытия сооружение никак не использовалось. Есть данные, что некоторые

недействующие церкви вновь открывались без ведома местных властей (Маслянский, Магнитогорский, Троицкий районы Челябинской области, Саракташский, Орский районы Оренбургской области). Областные культовые комиссии считали это свидетельством недостаточной массовой разъяснительной работы Советов и слабого внимания к вопросам оформления, закрытия и использования культовых зданий [6, Л. 9 – 10].

Развернутая массовая антирелигиозная пропаганда подвигла население верующей страны с остервенением закрывать, разрушать и разграблять храмы, мечети и другие религиозные учреждения под предлогом нехватки зданий для нужд общественности. На деле же не все молитвенные дома использовались: иногда для того, чтобы построить рядом новое сооружение, требовалось меньше средств, чем на восстановление старого. Несмотря на распоряжения областных комиссий по вопросам культа о бережном и хозяйственном отношении к нефункционирующим религиозным строениям, церкви ветшали, а религиозные произведения искусства на стенах храмов со временем утрачивались [6. Л. 24].

Анализируя характер и особенности государственно-религиозных отношений в первые десятилетия советской власти, неизбежно приходим к выводу, что они были далеки от цивилизованных и даже просто декретированных данной властью. Большевицкая администрация пыталась решить сразу несколько довольно неадекватных друг другу задач: 1) проводить откровенную антирелигиозную политику, утверждая свою монополию на истину и «подлинно научное» мировоззрение; 2) не доводить реакцию вполне справедливо возмущенных религиозных людей и их сообществ до открытого бунта, восстания и т.д.; 3) утверждать (не без лицемерия) свободу совести как юридический принцип и государственное установление, с тем чтобы сохранить более или менее благообразное политико-правовое «лицо» Советского государства на мировой арене.

В ходе дальнейшего развития и укрепления власть большевиков все меньше нуждалась в таком цивилизованном прикрытии: ее методы во все большей степени становились открыто репрессивными; от изъятия церковных ценностей и культовых предметов она перешла к воздействию на людей, к их запугиванию, арестам, а вскоре и к убийствам.

Литература

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 1.
2. Ильясов Л.В. Религия и власть в годы Великой Отечественной войны // Тезисы докладов науч.-практ. конф. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1995. С. 26–29.
3. Курников М.В. Деятельность Союза воинствующих безбожников в Оренбургской области накануне Великой Отечественной войны // Оренбуржье в годы Великой Отечественной войны : материалы науч.-практ. конф. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2005. Т. 3. С. 42 – 46.
4. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-11. Оп. 1. Д. 37.
5. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 53.
6. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 573.
7. ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 710.
8. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 4232.
9. ОГАЧО. Ф. Р-274. Оп. 1. Д. 4235.
10. Партийная организация и атеистическое воспитание : сб. ст. / под ред. А.Ф. Окулова. М. : Политиздат, 1975.
11. Потапова А.Н. Религиозная политика Советского государства и ее осуществление на Южном Урале в 1941–1958 годы : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург : ОГАУ, 2004.
12. Томин О. Борьба с религией в Оренбуржье в 30-е годы: скрытые страницы // Материалы XIX преподавательской, XXXVII студенческой конференций. Оренбург : ОГПУ, 1995. С. 24–25.
13. Федорова А.В. Антицерковная государственная политика // Христианство и ислам на рубеже веков. Оренбург : ДИМУР, 1998.
14. Фирсов С.А. Была ли безбожная пятилетка? // Независимая газ. 2002. 30 окт.
15. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННЮО). Ф. 208. Оп. 1. Д. 263.
16. ЦДННЮО. Ф. 267. Оп. 1. Д. 126.

Features of the state-church relations and problems of implementation norms decreed in Soviet Russia, 1920–1930s (based on the Southern Urals)

There is suggested the original view of the state-church relations in Soviet Russia in 1920–1930s. Based on the archival materials and published sources, there is revealed the essence of anti-religious propaganda, which not only met the ideological and cultural needs of people, but was also the conductor of the militant atheism policy.

Key words: *militant atheism, state-church relations, separation of church and state, the Southern Urals.*